

Уходят друзья...

Мой старый друг и первый соавтор Феликс Рохлин мрачно шутит – мы в переходном возрасте. И многие уже перешли. И в самом деле, в моем компьютере в разделе «Памяти друзей» несколько текстов: Шрейдер, Максим Хомяков, Илья Шмаин, Шиханович. Миша Арапов пока без текста. А про Лиду¹ целый раздел. И сайт ее памяти².

Теперь вот Саша.

* * *

В конце 1962 г. к нам в отдел³ пришла Ninon Коваль⁴, а через какое-то время я познакомился и с Сашей. Так что мы были знакомы 50 лет. Долгий срок. Даже из моей уже дырявой памяти всплывает масса картинок, эпизодов. Но об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас о главном. Он ушел. Хочется осознать, кем он был. Проще про его дела.

Уже появилось много текстов о нем. Все отмечают три основных его дела – кафедра (и ОТИПЛ/ОСИПЛ.), экспедиции, лингвистические работы. Всё это естественным образом взаимосвязано. И есть что-то глубинное, какое-то общее ощущение – так много всего на нем держалось. Как корни деревьев держат склон или берег, так и он своим местом в этой жизни скреплял большой её пласт, придавал этому пласту устойчивость. И естественное опасение – как бы не посыпалось.

Про кафедру я мало что могу сказать. Правда, мне много рассказывала Лида. Она училась на ОСИПЛе, потом там же (в соответствующем совете) защитила диссертацию.

Сам я читал там факультативные курсы полтора раза – первый раз вместе со Шрейдером еще в 70-х, уже не помню что, какую-то прикладную математику⁵, а потом, наверное уже в 90-х, краткое введение в формальную семантику. А начиная с 96 г. формальную семантику читала и продолжает читать там Барбара Парти. Так что про ОСИПЛ я знаю и мне всегда было интересно, что там происходит. Но все-таки я outsider.

Помню один эпизод. Как-то в конце 70-х Кибрик советовался со мной. Говорил, что по его мнению сейчас на ОСИПЛе слишком много математики, в ущерб преподаванию основных лингвистических курсов. Он понимал, конечно, важность математики, прежде всего то, что она «формирует головы», но речь шла о соотношении. Я с ним согласился. И они несколько сократили долю математики в программе. Я не думаю, конечно, что мое мнение сыграло тут какую-то роль. Кибрик сам для себя все решал. А административное решение принимал Звегинцев. Но это решение привело к скандалу. Владимир Андреевич поссорился с Владимиром Андреевичем.

Про лингвистические работы Кибрика я тоже не буду писать, я не лингвист. Хотя я покупал некоторые его книжки и кое-что читал. Мне нравилось его внимание к фактам и осторожное, а часто и скептическое отношение к теориям.

А про экспедиции я уже написал книжку⁶. Я был в пяти экспедициях с 81 по 88 г. Как писал в предисловии к книжке Кибрик – «в статусе вольноопределяющегося мужика». Эти экспедиции – одни из самых ярких впечатлений моей жизни.

¹ Лида Кнорина – моя покойная жена.

² <http://lidiaknorina.narod.ru/>

³ Отдел Шрейдера в ВИНТИ. Потом он стал частью отдела Семиотики.

⁴ Антонина Ивановна Коваль, жена А.Е. Ninon – приставшее к ней студенческое прозвище.

⁵ Звегинцев пригласил Шрейдера, а тот позвал меня.

⁶ За языком (Дагестан, Тува, Абхазия. Дневники лингвистических экспедиций). М. «Азбуковник», 2001.
<http://vborshev.narod.ru/bookexp.htm>

Про книжку добавлю несколько вещей. Я писал эти дневники «на коленке», в свободные минуты, протоколируя прожитые дни. Естественно, писал и про участников – как я их тогда воспринимал. И когда через десять с лишним лет решил публиковать дневники, то опасался, что кому-то что-то может показаться обидным. Но понимал и то, что приглаживать, цензурировать эти записи – значит выхолостить их.

И, конечно, какие-то обиды были. С ними обращались чаще не ко мне, а к Кибрику. Он защищал меня несколько необычным способом: «А смотрите, что он обо мне написал...». Но я, мол, не обижаюсь.

В последние годы, когда он сам писал про историю экспедиций, он говорил мне, что перечитывает мои дневники и что они помогают ему воссоздать картины той жизни. «Почему ты тогда (в 83 г.) так рано уехал? Я не помню, что было после...»

Ну и еще одно. Все отмечают особый административный талант Кибрика. В экспедициях это особенно ярко проявлялось. Я отмечу одну черту. Он был, конечно, администратором авторитарного типа. Но это была удивительно демократическая, дружеская авторитарность. Ничего не делалось «свысока», удивительная естественность отношений.

Закончу цитатой из своего предисловия к книжке: «Официальная цель экспедиций – практика для студентов-лингвистов. И на самом деле – это ни с чем не сравнимая школа для студентов. У математиков есть такое понятие – *working mathematician*, “работающий математик”, т.е. не просто профессионал, а тот, кто постоянно работает в науке. Так вот, наверное, не будет преувеличением сказать, что чуть ли не половина “работающих лингвистов” в Москве прошла через эти экспедиции, получила в них научное крещение».

Светлая память.